Утесов Л.О. 19/III-90

Сов. и показ. - Москва. - 1990. - 19-25 марта (№12). - С. 6.

ЖИЗНЬ, СПЕТАЯ СЕРДЦЕМ

К 95-летию со дня рождения Л. О. Утесова

СРЕДА, 21 МАРТА, 1 ПРОГРАММА, 23.05;
РО-4—21.05; РО-3—19.05; РО-2—17.05

Передача приурочена к 95-летию со дня рождения Леонида Осиповича Утесова. Ее автор и ведущий — журналист Глеб Скороходов. Мы попытаемся сейчас выяснить, как он решил уложить или, проще говоря, втиснуть жизнь и дела такого синтетического художника, каким был Утесов, в жесткие рамки одной передачи.

— Да вроде бы втиснули... Но, правда, рамки эти жесткие, трещат в швах, потому что жизнь Утесова сопротивляется любому очерчиванию, любым границам, и, если б Леонид Осипович был жив, он бы на это сказал развернуто-метафорически: «Человек просовывает голову в прорезь кассы и недоуменно спрашивает у кассира: «Слушайте, мадам, у меня проходит сюда только одна голова».

— Да, Глеб Анатольевич, тесновато. И все-таки?

— И все-таки надо, чтобы в «прорезь» передачи протиснулось как можно больше Утесова. А ведь Утесов — это с и н т е т и з м. Слово не очень благозвучное, но зато точное. Так что пришлось ограничиваться лишь некоторыми биографическими сведениями, лишь некоторыми, скажем так, этапными песнями (из «Веселых ребят», фронтовых лет), в которых отразилась жизнь артиста наиболее рельефно. А так хотелось бы, плюнув на временные рамки, начать с неспешной эпической ноты: «Леня Утесов родился в Одессе в семье...» И покупаться, как в Черном море, в колорите той еще Одессы, тех еще улиц и того еще порта, и «послушать сюда» те еще словечки и тот еще юмор, потому что кто-то становится из желудя—дубом, а Утесов стал из Одессы синтетическим артистом. Хотя, если бы это услышал сам Утесов, он бы усмехнулся и мягко возразил: «Насчет желудя — может быть, насчет Одессы — ошибка. Из Одессы становятся только одесситами».

— Так каким же был одесситом Утесов?

— На этот чуть риторический вопрос мы и ответим в передаче. А для затравки скажу: был и у Утесова свой творческий желудь, в котором уже проглядывали все параметры его будущего могучего и ветвистого дерева творчества. Это первая его программа «Теаджаза», прозвучавшая в сборном концерте на сцене Малого оперного театра Ленинграда 8 марта 1929 года. Утесов заявил себя...

Просто перечислю: оркестровым дирижером, режиссером (программа состояла из четких мизансцен), чтецом (притом и романтическим — читал он «Контрабандистов» Багрицкого, и юмористическим — рассказ Зощенко), солистом - инструменталистом (он учился на скрипача и вот показывал ленинградцам, чему его научили в Одессе), певцом (спел он грузинский романс «Где б ни скитался я»). И тут же, кстати, замечу, что еще тогда Утесов вводил в джаз национальные мотивы — не только негритянские, но и закавказские, белорусские, украинские. Еще он конферировал... Но, пожалуй, наиболее выпукло выявился тогда его неподражаемый комизм. Он, к примеру, спел и сыграл — и жестом, и мимикой, и прочими неуловимыми одесскими штучками — «С одесского кичмана». И никто не крикнул из зала: «Прекратить блатную похабщину!» Кричать (и не только) станут позже... А тогда хлопали вовсю и улыбались. Потому что умел Утесов смеяться. Умел смеяться над собой. И вообще терпеть не мог слюнтяйства. И если пел мужество — никакой слезы. Если любовь — никаких сопливых сантиментов. Если боль — до конца... Ну, а о дальнейшем в его огромной жизни, об остальном — в передаче.

Беседовал В. ГУСАРОВ